

Завораживающие детективы
Виктории Платовой

ВИКТОРИЯ
ПЛАТОВА

Тингль-
тангль

Москва
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ПЗ7

Платова, Виктория Евгеньевна.
ПЗ7 Тингль-тангль / Виктория Платова. — Москва :
Эксмо, 2020. — 448 с.

ISBN 978-5-04-108215-4

Ямакаси пообещал своей девчонке Василисе, что возьмет на себя устранение ее сестры Мики. Ямакаси, этот безбашенный, совершенно не знающий страха экстремал, прикончит Мику легко, быстро и незаметно. Так думала Василиса и предвкушала, как она и Ямакаси будут жить вдвоем в огромной мастерской, доставшейся сестрам по наследству. Среди божественных скульптур, среди теней прошлого. И это будет настоящим счастьем.

А пока ничего не подозревающая Мика живет с ними и, как заколдованная, постигает таинство кулинарного искусства. А Ямакаси потихоньку втирается ей в доверие и готовит пистолет.

Проходит день за днем. Скоро прольется кровь. Очень скоро. Вот только ничего не подозревающая Мика начинает все чаще поглядывать на бесстрашного парня и с удивлением замечает, что ее сердце горит неустержимой любовью к нему...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-108215-4

© Платова В.Е., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

*Все события, происходящие в романе, вымышлены,
любое сходство с реально существующими людьми случайно.*

А В Т О Р

Тингль-Тангль — легенды о злоключениях ведьм (*шотл.*).

Часть 1

СЕДЛО ЯГНЕНКА. МИКА

* * *

...«Ямака́си» — представлялся этот тип. Татуированный казах, выдававший себя за японца. Любитель бутербродов с тунцом и ублюдочного мультяшного порно. Первое появление казаха прошло для нее незамеченным, оно не было ознаменовано ни фанфарами, ни литаврами, ни музыкой сфер; носки на батарее в их общей с Васькой ванной комнате — вот, пожалуй, и всё.

Ей надо было отнестись к чертовым носкам повнимательнее.

Впрочем, носки возникали и раньше: белые вискозные, свидетельствующие о чистоте намерений владельца; черные хлопчатобумажные, декларирующие приверженность патриархальным ценностям и (опосредованно) несогласие с расширением НАТО на восток. А были еще воинственные махровые (да здравствует Ирландская освободительная армия!) и пижонские из лайкры (да здравствуют виноградники в Клермон-Ферране!), были этноэкзоты из рисовых волокон (многие лета пагодам в джунглях Мьянмы!). Красные с золотом драконы на щиколотке тоже были.

Красные с золотом драконы — не что иное, как торжество Поднебесной.

Она не без оснований подозревала, что и вся остальная время от времени появляющаяся на батарее трихомундия произведена в Китае и мальчики Васьки (о-о, *мальчики Васьки!*) соструганы там же, в тех же покосившихся фан-

зах, той же простодушной рабсилой, которая завалила мир дешевыми одноразовыми товарами.

Дешевые и одноразовые — такими они и были, мальчики Васьки.

Один гринписовец, один нацбол, один скинхед, один сопливый кандидат в правозащитники; прочую шушеру, как и миллионы, миллионы китайцев, можно смело отнести к коллективному бессознательному — и где только цепляла их далекая от политики Васька, остается только гадать.

Ха-ха, та еще загадка, секрет Полишинеля, прости господи!

Васькины еженедельные экстрим-заплывы в лягушатнике, ограниченном территорией Питера и области, — вот что вызывало к жизни гринписовских и правозащитных зомби; сноуборд зимой, скалолазание и байдарочные party летом; погружение с аквалангом в Марианскую впадину как отдаленная перспектива, промышленный альпинизм как перспектива ближайшая — странно только, что при подобных амбициях Васька до сих пор работает официанткой.

Такая работа для Васьки — сущее наказание.

Но ни на что другое она не способна, как ни прискорбно. Даже в школу Васька никогда не ходила по-человечески: она толком не закончила ни одного класса, она не получила аттестат, и это неполучение было торжественно отмечено десятидневным переходом на лошадях в алтайской глуши, завершившимся почему-то через четыре месяца в Петропавловске-Камчатском. Да-да, она хорошо помнит — Петропавловск-Камчатский.

Васька позвонила именно оттуда и попросила выслать денег на авиабилет до Питера. Совершенно будничным, надменным, слегка искаженным помехами голосом. Пара минут ушла у нее на то, чтобы осознать: это действительно

но Васька, ее блудная младшая сестра, объявленная в федеральный розыск, трижды похороненная и четырежды оплаканная.

— С Новым годом, Микушка, — сказала тогда Васька. — Мне нужны деньги. Не слишком много, сумма тебя не разорит.

«Сумма тебя не разорит» — вот как. Ничего другого за четыре месяца бесплодного ожидания, глухой неопределенности, страданий и слез она не заслужила. Ах да, еще поздравление с Новым годом! Иначе как издевательством это не назовешь.

Как и упомянутое всуе, почти забытое «Микушка».

Васька редко прибегала к ее детской домашней кличке, почти никогда. «Микушку» можно было бы считать намеком на раскаяние, примирительным жестом, если бы... Если бы она не знала Ваську. Но она знала Ваську — любое напоминание о родственных связях для нее — тоска смертная, любое проявление родственного тепла для нее — пустой звук.

— Ты сука, — выдохнула она в разом запотевшую, затуманившуюся трубку.

— Я в курсе, — парировала Васька все тем же надменным тоном. — Так ты вышлешь money?

— Если бы родители были живы...

— Если бы родители были живы, они бы уже давно умерли от горя. Месяца два как. Или три. Я права?

Тот давний петропавловский звонок накрыл ее в возрасте двадцати семи, Ваське соответственно только-только исполнилось семнадцать, и день рождения — 24 октября — пришелся аккурат на черную дыру Васькиного четырехмесячного отсутствия. Как отметила днюху Васька — неизвестно. Она же провела этот день в полном одиночестве, на грани нервного срыва, среди фотогра-

фий покойной семьи (о-о, *покойной семьи!*). Собственно, на фотографиях, заготовленных по случаю, они еще не были семьей: улыбающийся тощий паренек в майке и со сколотым передним зубом, в руках — винтовка-мелкашка; снимок сделан в городском тире, и паренек и думать не думает, что станет отцом двух дочерей: одной — *мое загляденье* и другой — оторви и выбрось. Юная загорелая девушка с холщовой сумкой из Гагр (хит сезона) тоже улыбается. На сумке плохо пропечатанный оттиск квартета **АВВА**, кавказская интерпретация лиц не имеет ничего общего со шведским оригиналом: две утрированные копии Пугачевой времен песни «Арлекино» (женская часть квартета), мужская представляет собой разные ипостаси актера Бубы Кикабидзе. Она так никогда и не узнала, как мама относилась к Бубе Кикабидзе. И не узнает. Есть много вещей, узнать которые ей не суждено. Мама и лошади, например. Или мама и кабельное телевидение. Или мама и мексиканская кухня. Или мама и всегдашние Васькины эскапады.

Мамы давно нет.

Мамы давно нет, а сумка с кавказско-шведским квартетом осталась, она и сейчас лежит на антресолях, набитая осколками их прежней счастливой жизни, так и есть: их прошлая жизнь была счастливой.

Васька придерживается на этот счет другого мнения.

Она никогда не уточняла, какого именно: *другого*. И все тут. Мнение Васьки всегда диаметрально противоположно ее собственному мнению.

Наша прошлая жизнь была счастливой? — ни хрена не была!

Собака — друг человека? — ни хрена не друг!

Текила — лучший напиток? — ни хрена не лучший!

Сосите пиво и берегите лес от пожара.

Васька так и не простила родителям их ранней гибели. Раннего ухода. Раннего побега. Паренек в майке со сколотым передним зубом и юная загорелая девушка (на голову выше паренька и лет на семь старше, если совместить обе фотографии) — та еще парочка романтических недотеп, немудрено, что они разбились.

Ей было шестнадцать, когда это произошло. А Ваське стукнуло шесть. Возможно, шестилетняя Васька именно так и представляла их гибель, их уход, их побег: загорелая девушка и паренек в майке на ангельском велосипеде с жесткой рамой. Велосипед несется прямо в небо, под шинами хрустят звезды, ветер треплет волосы, а винтовка-мелкашка потеряна по ходу.

Возможно, именно так, хотя все было по-другому: они погибли очень взрослыми, состоявшимися людьми, не имеющими ничего общего ни с пареньком, ни с девушкой. За рулем «Форда» сидела порывистая мама, но если бы даже сидел отец — ничего бы это не изменило. Лобовое столкновение с «КамАЗом», внезапно выскочившим на встречу, у них не было никаких шансов.

Никаких.

Она ни разу не дала повода усомниться в том, что лучшей дочери не сыскать, — не то что капризная, деспотичная уже в младенчестве Васька; она почти не болела, и не ломала рук и ног, и не приставала к старшим с циничным вопросом «откуда берутся дети?», она с легкостью проскочила переходный возраст, нисколько не заметив его проблем. Она не требовала сапог-ботфортов, как у Линды Эванжелисты, не шлялась по сомнительным диско-заведениям, ни разу (даже из любопытства) не мастурбировала в душе и безропотно переходила из класса в класс с хорошими и отличными оценками. Заставить себя через «не могу» учить алгебру и начала анализа — пожалуйста, за-

ставить себя есть ненавистные гранаты для повышения гемоглобина в крови — да ради бога! Такой она была всегда.

Мика. Микушка. Мое загляденье — называл ее отец, только он. Микушкой она была для мамы, Микой — для всех остальных, теперь и не вспомнить, откуда что пошло. Или ей просто неохота вспоминать? «Необыкновенные приключения Дони и Микки» — привет из детства.

Глупое обезьянье кино.

Обезьянье — в самом прямом смысле, сюжет и держался на бессовестно неправдоподобных похождениях двух шимпанзе. Дони и Микки.

В качестве кумира — смешно сказать — она выбрала Микки.

Очеловеченного. Прямоходящего.

Микки, Микки, Микки.

Слегка трансформировавшись (Микки-Мики-Мика), имя прижилось. Приклеилось к коже,росло рыбьей чешуей, по-другому не скажешь. Если содрать чешую (вряд ли удастся сделать это без крови) — то проступит ее настоящее, то самое, что указано в паспорте — *Полина*.

Ее могли бы звать Полей или Линой, или Полинкой, или Линочкой, но нет же! — еще в детстве она настояла на Микки-Мики-Мике. Кажется, это был едва ли не единственный случай, когда она настояла на чем-то, проявила характер, обычно податливый и мягкий, как воск. Проявлять характер — была прерогатива Васьки. Васька делала это со страстью и надрывом, к месту и не к месту демонстрируя восхитительную склочность, фантастическую безбашенность, упоительное паскудство. Даже гибель родителей нисколько не повлияла на Ваську.

Нисколько — так хотелось думать ей.

И Васькино горе не шло ни в какое сравнение с ее собственным горем, горем старшей, почти взрослой дочери.

Ее горе было всепоглощающим, осмысленным, *экссклюзивным*, она (не Васька) ездила в морг на опознание, она (не Васька) от начала до конца прошла весь ад похорон, она (не Васька) упала в обморок на кладбище, когда первые комья земли с глухим стуком ударились о крышку отцовского гроба — кто теперь будет звать ее *мое загляденье*?

Кто?..

Смерть делает людей несправедливыми. К себе и к другим, но больше к другим. Должно быть, Мика была несправедлива и к Ваське, вернувшейся от дальних родственников отца через неделю после похорон. Всю эту неделю, проваливаясь в забытие их прошлой счастливой жизни и раздавленная крошечным ужасом нынешней, она мучительно соображала, как сказать шестилетней сестре о том, что увидеть родителей ей больше не суждено. Никогда.

Ни-ког-да.

Мика не отличалась особым воображением — не то что Васька, — и потому не нашла ничего умнее, как сочинить стандартную историю о дальней командировке в другой город и другую страну. Другая страна, пусть будет так. Для начала. А потом... Бог знает, что она придумает потом, когда скрывать правду станет невозможно.

Египет? — поинтересовалась Васька.

За год до этого они всей семьей ездили в Египет, и Васька едва не утонула в Красном море, заплыв туда, куда пятилетние обычно не заплывают. Ко всем несчастьям, они едва не опоздали на самолет, полдня проискав Ваську, которой вовсе не хотелось уезжать, а хотелось обернуться рыбой и поселиться в море навсегда. И другая страна так и осталась для нее Египтом. Больше ничем.

Египет? Ага. Пусть будет так. Для начала.

Стоило Ваське услышать про Египет, как ее паскудный характер развернулся в полную силу: это нечестно, сказала

Васька, уехать вот так. Они уехали, чтобы стать рыбами, я знаю точно, зачем еще ездить в Египет, а ведь это я хотела стать рыбой — не они, я. И раз так, раз они такие — пусть не возвращаются.

Тогда Мика ударила бедную Ваську первый раз в жизни.

Ни секунды не сомневаясь, что Васька затаит зло и запрется в кладовке, как запиралась всегда, когда бывала с чем-то несогласна. Маленькая Васька могла сидеть в кладовке часами, и чтобы выудить ее оттуда, требовалось приложить усилие. Обычно это делала мама, теперь придется делать это самой. Теперь все придется делать самой.

Васька выползла из кладовки спустя довольно продолжительное время. И как ни в чем не бывало потребовала мороженого на ужин в качестве моральной компенсации за страдания. Пришлось сходить за вредоносным высококалорийным мороженым, повторяя про себя на разные лады:

бедная сиротка. Бедная, бедная сиротка.

— Так будет всегда? — поинтересовалась Васька. — Мороженое будет всегда?

— Не знаю, — Мика пожала плечами. — Не знаю.

Пусть они подольше не возвращаются из Египта. Я согласна.

Она могла бы ударить Ваську второй раз в жизни. Но сдержалась.

О смерти родителей Васька узнала вовсе не от нее. Она кормила сестру рассказами про Египет несколько месяцев, пока хватало сил на вранье, на сочинительство одних и тех же телеграмм без обратного адреса в духе: «Задерживаемся неопределенное время любим скучаем будьте умницами ваши мама папа». Ни мама, ни отец никогда бы так не написали, что сделали бы они, окажись вдали от своих девочек? Мика не знала этого, не могла даже пред-

ставить, предыдущие их разлуки были мимолетны, кажется, они вообще не расставались, они всегда были вместе: мама-папа-Васька-она, а краткосрочные командировки отца и несколько поездок мамы на историческую родину в Переславль-Залесский можно и вовсе сбросить со счетов. Да, именно так: они не расставались, и эта их разлука была первой. И обещала продлиться всю жизнь.

Дядя Пека — вот кто раскрыл Ваське глаза на произошедшее.

Дядя Пека, или Павел Константинович, ученик их с Васькой деда, друг маминой юности: мама вполне могла выйти замуж за него, а не за парнишку в майке и со сколотым передним зубом. Могла — но не вышла, а дядя Пека так и остался дядей Пекой, никем иным. Из друга маминой юности он плавно переключался в разряд друзей семьи — приобретение тем более ценное, что у их семейства с друзьями и родственниками было не густо: дальняя родня отца в Тосно и полумифические тетки мамы в Переславле-Залесском. Оба их рода — и материнский, и отцовский — преследовал странный рок, включающий ранние беспричинные смерти, нелепые несчастные случаи, были и самоубийцы, были еще задранные медведем и те, кого скинула лошадь, были не вернувшиеся из грибных лесов, был даже один утопленник. «Утопленник» — относилось к деду, тому самому, чьим учеником являлся дядя Пека. Родившейся много позже Ваське не удалось застать его в живых, она же смутно помнила монументальную фигуру деда. И лицо, как будто высеченное из мрамора, и бороду, приводившую ее в священный трепет. «Карабас-Барабас» — с замиранием сердца думала Мика в раннем детстве, «Карл Маркс, да и только» — пришла она к выводу впоследствии. Карабас-Барабас был известнейшим в прошлом скульптором, главой целой школы, основателем